

Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Научный диалог. – 2013. – № 5(17) : Филология. – С. 8–28.

УДК 81'272+342.725+323.1+372.881.1

Языковая политика в современном мире

В. М. Алпатов

Языковая политика в современном мире рассматривается как основанная на взаимодействии двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Потребность идентичности состоит в стремлении (сознательном или бессознательном) пользоваться в любой ситуации общения «своим» языком, естественно усвоенным в первые годы жизни. Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками независимо от того, какой язык им родной. В большинстве государств как сознательная языковая политика власти, так и стихийная политика через «экономический оборот» направлена, прежде всего, на поддержание потребности взаимопонимания. Потребность идентичности носителей языков меньшинств часто страдает, что может приводить к конфликтам. Отмечается, что лишь в Советской России и СССР в 1920–1930 гг. была попытка, пусть имевшая лишь частичный успех, положить в основу языковой политики потребность идентичности. В настоящее время в развитых странах предпринимаются попытки развивать малые языки.

Ключевые слова: языковая политика; потребность идентичности; потребность взаимопонимания; языки меньшинств; двуязычие; вынужденное двуязычие; языковое строительство; малые языки.

В любом государстве ведется та или иная языковая политика. Даже если власть не предпринимает каких-либо специальных мер по распространению или подавлению того или иного языка, такое

распространение или подавление происходит через политику в области образования, средств массовой информации и т. д. И всегда языковая политика в том или ином виде осуществляется стихийно, через «экономический оборот», развитие рынка.

В современных государствах почти никогда не бывает полного языкового единства (даже в государствах, близких к одноязычию, вроде Японии, есть и языки меньшинств, и разные формы существования господствующего языка). Любая языковая политика в таких условиях связана с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей.

Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания.

Потребность идентичности заключается в стремлении (сознательном или бессознательном) пользоваться в любой ситуации общения «своим» языком, естественно усвоенным в первые годы жизни. Такой язык называют материнским, или родным (последний термин может иметь и иные значения). Предельный случай удовлетворения потребности идентичности – одноязычие.

Одноязычие имеет ряд преимуществ. Во-первых, освоение каждого нового языка, особенно сознательное, требует дополнительных усилий, а способности к обучению чужим языкам у людей различны. Во-вторых, человек по-разному овладевает языками в разные периоды жизни. По мнению ряда ученых, лишь при употреблении материнского языка или другого языка, освоенного в раннем детстве, человек использует оба полушария головного мозга, дополняющие друг друга. При освоении языка после 5–7 лет доминирует левое полушарие, в результате чего языковая компетенция неизбежно неполна. Даже если у человека более одного материнского языка (например, если родители говорят на разных языках или ребенок воспитывается няней, говорящей не на том языке, что родители), абсолютного равенства языков не бывает, и всегда у человека какой-то язык становится первым, а какой-то вторым [Edwards, 1994, с. 3]. В-третьих, понятие материнского языка имеет и четко выраженный социальный смысл. В большинстве случаев материнский язык – это

язык своего этноса, своей культуры. Пользование «чужим» языком легко связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор – ощущение особой престижности «чужого» языка, скажем, английского или русского.

Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками независимо от того, какой язык им родной.

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе. Недаром в самые разные исторические эпохи люди мечтали о едином языке человечества и появлялись даже проекты такого языка. Однако пока решение такой задачи нереально.

Одноязычие свойственно значительной части человечества, примером могут служить большинство населения США, говорящее лишь по-английски, и многие жители современной России (как и в прошлом СССР), носители русского языка. Одноязычие в современном мире обычно связано с двумя противоположными ситуациями. С одной стороны, одноязычны некоторые обособленные народы, не контактирующие даже с соседями, или же наиболее необразованная и угнетенная часть того или иного этноса, прежде всего, женщины, живущие в замкнутом домашнем мире. Например, среди испаноязычных пуэрториканцев, живущих в США, знание женщинами английского языка расценивается отрицательно, тогда как мужчины двуязычны. С другой стороны, одноязычна основная масса населения многих развитых стран, построенных по национальному принципу или по принципу “melting pot”. Многие исследователи отмечают распространение в общественном мнении США представления об одноязычии (прежде всего, речь идет об английском языке) как свойстве культурных и зажиточных людей и о связи двуязычия с бедностью и отсталостью [Garcia, 1995, с. 142, 145–146; Loveday, 1982, с. 8; Skutnabb-Kangas, 1983, с. 66; Tollefson, 1991, с. 12; Edwards, 1994, с. 4].

Однако двуязычие распространено даже шире, чем одноязычие. Есть мнение, что двуязычие – норма, а одноязычие – исключение [Edwards, 1994, с. 1]. В современном мире социальная мобильность резко возрастает, и ситуация общения между людьми с разным материнским языком становится правилом. К тому же языки могут значительно варьировать, и даже одноязычный в традиционном смысле человек может владеть несколькими языковыми образованиями (литературный язык, диалект, сленг и т. д.), различия между которыми могут быть не меньше, чем различия между языками. Двуязычие как владение и попеременное пользование диалектом (или просторечием) и литературным языком реже приводит к конфликтам, если только языковые различия не совпадают с этническими (скажем, в случае афро-американского диалекта английского языка, который может рассматриваться как символ национальной идентичности).

Двуязычие имеет разные социальные последствия. Освоение иностранного языка чаще всего бывает добровольным: его знание может поднять престиж человека, открыть доступ к некоторым профессиям, но не является обязательным условием жизненного успеха. Однако в многонациональном государстве для меньшинств и иммигрантов двуязычие вынужденно [Skutnabb-Kangas, 1983, с. 75–80]. Для них выбор между одноязычием и двуязычием – это одновременно выбор между полноценной жизнью и жизнью в замкнутой общине. Далее речь будет идти лишь о вынужденном двуязычии.

Стратегии общения между носителями разных материнских языков очень разнообразны. В современных обществах, если отвлечься от ситуации с посредником (переводчиком), иногда необходимой, но технически не всегда возможной и удлиняющей время коммуникации, таких стратегий три. Это выработка общего контактного языка (пиджина), общение на третьем языке и общение на материнском языке одного из собеседников. Потребность взаимопонимания удовлетворяется частично при первой стратегии и полностью при двух других. Потребность идентичности в основном удовлетворяется при первой стратегии, не удовлетворяется при второй при сохранении языкового равенства собеседников, а при третьей стратегии

возникает несимметричность: потребность идентичности удовлетворяется для одного собеседника и не удовлетворяется для другого. Так происходит, например, при общении англоязычного американца с пуэрториканцем в США по-английски или русского с татаринном в России по-русски.

Понятие пиджина часто связывается с ныне уже не существующим плантационным типом хозяйства, где рабы с разными материнскими языками стихийно вырабатывали некоторый общий язык. Однако подобные языковые образования формируются и сейчас, прежде всего в сфере торговли, особенно так называемой челночной торговли. Примером может служить образовавшийся в последние годы русско-финский торговый пиджин, словарь которого приведен в работе [Перехвальская, 2007, с. 261–265]. Такие квазиязыки охватывают не всю систему языка, они включают лишь тот минимум, который необходим для торговой коммуникации.

При второй стратегии сами собеседники равны, но общий для них язык бывает более влиятелен, чем материнские языки собеседников. В колониях это язык колонизаторов, в бывших колониях – обычно язык бывших колонизаторов, внутри многоязычных государств – чаще всего господствующий (государственный) язык. Наконец, третья стратегия выгодна во всех отношениях для одного из собеседников, но максимально нарушает потребность идентичности для другого из них, что может приводить к «языковым войнам».

При переходе к индустриальному обществу внутри государства неизбежно главной становится потребность взаимопонимания. Средством ее удовлетворения, как правило, является единый государственный язык, реже (Швейцария) несколько таких языков. Происходят (одновременно или с некоторым временным разрывом) два процесса: распространения государственного языка через административные меры и школу (позднее и через СМИ) и его кодификации, создания общих для всего государства его норм. Языковая политика с этого времени до наших дней сознательно или бессознательно заключается в большинстве государств в распространении и поддержании функций государственного языка.

Государственный язык может иметь юридически оформленный статус; классический пример – Франция со времен Великой французской революции. Но это не обязательно: в США на федеральном уровне английский язык (как и любой другой) не считается государственным и лишь в конце 90-х годов XX века его статус законодательно оформили в 12 штатах [Donahue, 1995, с. 114]. Тем не менее, фактическая роль английского языка в США не отличается и никогда не отличалась от роли французского языка во Франции. А в СССР русский язык официально стал государственным для всей страны лишь в самом конце ее существования: с апреля 1990 года, то есть тогда, когда его роль стала в ряде республик СССР подвергаться сомнению.

Чаще всего государственным языком становится язык господствующего этноса. Реже это язык социально активного меньшинства (малайский язык в Индонезии, преобразовавшийся в индонезийский). В бывших колониях, особенно там, где нет преобладающего этноса (случай, частый в Африке), такую роль может получить язык бывших колонизаторов. Для носителей государственного языка потребности идентичности и взаимопонимания внутри страны удовлетворяются автоматически. Среди них распространено одноязычие, а двуязычие, если оно есть, чаще бывает добровольным (или же расценивается как различие вариантов внутри одного языка).

Однако в любой стране есть, хотя и в разном количестве, национальные меньшинства и их языки. Даже в исключительно мононациональной Японии есть более полумиллиона корейцев (из которых, правда, многие перешли на японский язык), а в последнее время к ним прибавились иммигранты из Филиппин, Тайваня и даже Бразилии и Перу. Судьба языков меньшинств различна, но можно назвать три основных варианта.

Самый, казалось бы, благополучный вариант – **роль регионального языка**. Такие языки вполне устойчивы, имеют письменность, используются в разнообразных сферах, могут служить средством межнационального общения, но территориально ограничены и не равны государственному языку. Примерами могут служить

французский язык в Канаде, яванский в Индонезии, а до недавнего времени, скажем, словацкий язык в Чехословакии или грузинский в СССР. Они могут быть юридически равноправны с государственным языком, но реального равенства не возникает. Даже в Чехословакии, где в 1918–1939 и 1945–1993 годах всегда для чешского и словацкого языков соблюдалось юридическое равноправие, образованные словаки были вынужденно двуязычны, но чехи почти никогда не знали словацкого.

В редких случаях все языки государства можно считать региональными. В Швейцарии любые два гражданина разных частей государства имеют право не знать языков друг друга, а в официальных ситуациях требовать переводчика. Однако даже здесь полного равенства языков все-таки нет: 90 % документов центральных учреждений пишется по-немецки, лишь 20 % столичных чиновников – франкофоны, но и они часто переписываются между собой по-немецки [Larousse, 1987, с. 176]. Два других языка, формально равных немецкому и французскому, – итальянский и ретороманский – распространены еще меньше.

Иной случай данного типа представлен в Индии, где также все материнские языки населения страны региональные. Однако над ними надстраивается английский язык; число его носителей невелико, но лишь он (и совсем мало известный санскрит) не привязан к конкретному региону. Поэтому он не может быть устранен из коммуникации (попытка превратить хинди в общий для всех язык в 50–60-е годы привела к человеческим жертвам и была оставлена).

Языковая политика в отношении региональных языков обычно допускает их использование, в том числе официальное, в довольно широких пределах. Но при этом часто национальное меньшинство хочет большего – национальной независимости, при которой региональный язык превращается в государственный. Конечно, языковые проблемы неотделимы от многих других и нигде не выступают в чистом виде, но их роль оказывается существенной. Это происходило, в частности, в СССР во время «перестройки», когда представители

национальных элит обличали «языковой геноцид» в СССР и заявляли о вреде двуязычия, на деле добиваясь права не употреблять русский язык. Опыт показывает, что государства с высоким официальным статусом нескольких языков оказываются неустойчивыми. Распались СССР, Югославия, Чехословакия, на грани раскола по языковому принципу Бельгия (где, например, во фламандской части страны уже несколько десятилетий запрещены любые уличные надписи и вывески по-французски), в 90-е годы едва не распалась Канада. Ещё раньше распалась Австро-Венгрия, хотя несколькими десятилетиями ранее даже Ф. Энгельс считал неизбежной языковую ассимиляцию чехов, словенцев и хорватов [Маркс и др., т. 8, с. 84]. В то же время в ряде многонациональных государств (Китай, современная Россия и др.) имеется один государственный язык, а языки меньшинств имеют права лишь на местном уровне наряду с государственным языком.

Менее благополучный вариант – **язык в функции бытового**. Примерами могут служить берберские языки в Северной Африке, саамский в Северной Европе, валлийский в Великобритании (несмотря на все попытки расширить сферу его употребления), кабардинский в России. Такие языки могут быть далеки от вымирания и передаваться из поколения в поколение, но они ограничены функционально. Наряду с чисто бытовыми, обычно бесписьменными языками среди них есть и языки, имеющие письменность, школьное обучение (обычно не выше начального), а иногда (например, многие языки России) традицию художественной литературы. Однако их носители (все или, по крайней мере, социально активная часть) двуязычны и, говоря в быту на своих языках, в культурных ситуациях обычно переходят на кодифицированный вариант государственного или регионального языка. Такие языки обычно не используются как языки межнационального общения. Роль таких языков сходна с ролью диалектов, да и существуют они чаще всего лишь в виде диалектов. Их кодифицированные варианты (которые были созданы в СССР для большинства таких языков) нередко имеют лишь искусственное существование [Бурькин, 2004]. Школьное обучение

на этих языках, если оно есть, существует в основном как промежуточное, с последующим переходом на государственный язык.

Наконец, третий вариант – **вымирание языков**. Оно в современном мире связано не столько с гибелью, сколько с ассимиляцией их носителей. Такие языки проходят все стадии пути от одноязычия как владения языком своего этноса через двуязычие к одноязычию как владению языком, ранее бывшим чужим. Предпоследний этап перед вымиранием – ситуация «языкового гетто», когда язык еще помнят и иногда говорят на нем с немногочисленными соплеменниками, но возможности свободного его использования крайне ограничены [Laronce, 1987, с. 42]. Языки вымирают при любом общественном строе, и в США в XX веке их вымерло больше, чем в СССР, где принимались меры по их сохранению (см. ниже).

В качестве примера можно привести единственный исконный язык меньшинства в Японии – айнский язык. Он был устойчив, пока айны – охотники и собиратели – почти не контактировали с японцами. Но во второй половине XIX века японцы начали на Хоккайдо массовую колонизацию айнских земель, и айнский язык стал вытесняться японским. В период японского милитаризма айны были юридически неравноправны с японцами, в некоторые периоды их принуждали учить японский язык, что способствовало языковой ассимиляции. В ходе демократизации при американской оккупации после 1945 года айнов уравнивали в правах. Однако это лишь усилило вытеснение айнского языка, и к 60-м годам он вышел из употребления. Его последних носителей не стало, видимо, в 90-е годы. См. об этом [Алпатов, 2008, с. 116–117].

Устойчивость языка зависит от многих причин, среди которых и количество носителей, и их культурная ориентация, и языковая политика в государстве. Быстрее всего, конечно, вымирают малочисленные языки, но, например, крайне жесткая языковая политика в Великобритании в XVIII и XIX веках настолько вытеснила ирландский язык английским, что даже в независимой Ирландии он не смог возродиться в качестве постоянного средства общения, играя лишь роль национального символа. За XX век почти исчез идиш,

несмотря на то, что его носители были достаточно многочисленны, и не только за счет физического уничтожения части из них: другие его носители (большей частью добровольно) от него отказались. Обычно быстро исчезают материнские языки иммигрантов, стремящихся ассимилироваться (языкам, разумеется, не грозит вымирание, поскольку они сохраняются в тех странах, откуда они эмигрировали).

В то же время, например, малые языки Дагестана (так называемые одноаульные) достаточно устойчивы, хотя их носители целиком двуязычны и очень часто трехязычны, поскольку знают какой-либо из более крупных дагестанских языков и русский язык. Предсказать судьбу какого-либо малого языка часто бывает трудно. Факторы, способствующие его сохранению, могут быть самыми неожиданными. Например, отмечают «мотив бабушки»: женщины, не говоря на языке своего этноса с детьми, начинают говорить на нем с внуками: «Не является ли эта “бабушка” некой постоянной социальной функцией в языковой общности, независимо от поколения?» [Вахтин, 2001, с. 284].

Процесс смены языка при любой языковой политике никогда не бывает полностью добровольным. Это относится и к переходу от одноязычия к двуязычию, и к последующему переходу от двуязычия к одноязычию как владению уже другим языком. Даже если нет административных мер, давление оказывает экономическая, политическая, культурная ситуация в стране [Skutnabb-Kangas, 1983, с. 66–67]. Но утеря материнского языка может рассматриваться тем или иным этносом как явление пусть вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов, особенно с точки зрения материального благополучия [Ahlqvist, 1993, с. 16]. Как указывает Дж. Эдвардс, для многих народов существует болезненная дилемма – либо потерять язык, либо жить отсталой сельской жизнью [Edwards, 1994, с. 107]. Он же задает вопрос сторонникам концепций лингвистической экологии: а не надо ли, сохраняя малые

языки, учитывать и мнение самих носителей этих языков, которые не всегда желают ими пользоваться [Edwards, 1994, с. 108]?

Статус двуязычного населения, а также государственная политика в его отношении могут варьировать, но определенное его неравенство с одноязычными носителями господствующего языка может ощущаться и создавать потенциально конфликтную ситуацию. Например, в СССР и этнические русские, и другие русскоязычные за редкими исключениями (например, в очень однородной в языковом отношении Армении) не владели языками меньшинств. Эта ситуация сохраняется и в современной России. Однако тем, у кого материнский язык был другой, приходилось жертвовать либо потребностью идентичности, либо потребностью взаимопонимания. Обе категории в советское время исчислялись миллионами, но ситуация не была симметричной. Потребностью взаимопонимания обычно жертвовали бессознательно, не расширяя социальные связи (впрочем, в Прибалтике иногда сознательно отказывались говорить на русском языке даже ценой потери в выгоде, например, продавцы). Потребностью же идентичности жертвовали сознательно. Возможное ощущение этнической и языковой неполноценности компенсировалось престижностью русского языка и возможностями продвижения при его знании. Пока для массового сознания существование единого СССР казалось само собой разумеющимся, освоение русского языка принималось «молчаливым большинством» как если и не лучшая, то, по крайней мере, естественная ситуация. Но в эпоху перестройки скрытое недовольство в области языка вышло наружу. «Языки в контакте легко делаются языками в конфликте» [Edwards, 1994, с. 89].

Государственная политика в отношении языков меньшинств может быть различной: от запрещения и принудительной ассимиляции носителей до культурной автономии и юридического равноправия. Однако государство всегда выступало и выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, стимулируя почти везде роль государственного или фактически господствующего языка. Особенно жесткой была такая политика в XIX веке и в пер-

вой половине XX века. Степень жесткости не совпадала ни с уровнем развития страны, ни со степенью ее демократичности. Как раз классические страны западной демократии долго вели жесткую ассимиляторскую политику. В Великобритании школьников били за речь на ирландском или валлийском языке. Во Франции с 1794 по 1951 годы запрещалось официальное использование любого языка, кроме литературного французского. В США прямые административные меры не были популярны, но их место не менее эффективно занимала идеология “melting pot”. Гораздо большие права имели с середины XIX века языки меньшинств в менее демократичной Австро-Венгрии, в итоге развалившейся. В царской России жесткая ассимиляторская политика (особенно суровая в «либеральное» царствование Александра II) проводилась и по отношению к языкам с большим количеством носителей, нередко эти носители обладали развитым национальным самосознанием. Поэтому она вызывала особенное недовольство. Впрочем, эта жесткая политика соблюдалась либо там, где власть особо боялась сепаратизма (Польша, отчасти Прибалтика и Закавказье), либо там, где языкам отказывалось в праве на самостоятельное существование (украинский язык рассматривался как диалект русского языка). В отношении «инородцев» Центральной Азии или Сибири не ставился вопрос об их языковой ассимиляции, поскольку считалось, что они еще «не доросли» до этого.

В современных обществах самые грубые методы языковой политики уходят в прошлое, хотя и в наши дни за разговоры на материнском языке детей бьют в англоязычных школах Кении и даже в школах для индейцев в Канаде [Pennycook, 1995, с. 40]. Редким исключением до последнего времени была политика Турции в отношении курдского языка. В школах Турецкого Курдистана преподавался лишь турецкий язык, за написание курдского букваря его автор провел четыре месяца в тюрьме, и даже попытка открыть в Швеции курдские школы для иммигрантов вызвала официальный протест турецкого посольства [Skutnabb-Kangas, 1983, с. 74, 279–280]. Но и Турция, добиваясь вступления в ЕС, была вынуждена смягчить языковую политику.

Однако отказ от грубых методов языковой ассимиляции не означает ее прекращения. Как отмечала Т. Скутнабб-Кангас, самостоятельная ценность за материнскими языками всё равно не признается, они в лучшем случае играют роль инструмента, позволяющего органично освоить господствующий язык [Skutnabb-Kangas, 1983, с. 313]. При грубых методах принуждения меньшинства знали, кто их враг, и сплачивались между собой, теперь ясность пропадает, и люди оказываются разобщенными [Там же, 1983, с. 314–316]. Жесткие меры оказались эффективными, например, в Ирландии, но они не могли привести к вымиранию курдского языка. А айнский язык быстро исчез именно после прекращения дискриминации айнов. Также отмечают, что во Франции бретонцы и эльзасцы быстро стали переходить на французский язык с 60-х годов XX века, когда их языки уже не запрещали [Laronce, 1987, с. 60–61].

Поддержка государством языков меньшинств бывает связана с принципом «разделяй и властвуй». Французы в бывших колониях в Северной Африке поддерживали берберские языки, чтобы не допустить арабизации берберов [Ross, 1979, с. 7]. В ЮАР при апартеиде специально вводили обучение на материнских языках для африканцев, чтобы они не усваивали языки белых и не объединялись между собой [Trugil, 1983, с. 156; Skutnabb-Kangas, 1983, с. 66–67]. Здесь речь не шла о реальной поддержке потребности идентичности.

Иная языковая политика была избрана в СССР в 20–30-е годы XX века. В ее основу было впервые положено удовлетворение потребности взаимопонимания. Органом этой политики, во многом основанной на дореволюционных высказываниях В. И. Ленина, в первые годы после революции служил Народный комиссариат национальностей во главе с И. В. Сталиным, который писал в 1918 году: «Никакого обязательного “государственного” языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установ-

лениях» [Сталин, т. 4, с. 70]. А партийный деятель Г. Ф. Гринько считал недопустимым насаждение русского языка в армии и требовал, чтобы русские коммунисты, работавшие в национальных районах, добровольно отказались от русского языка, поскольку «пролетариат в области национального вопроса должен быть готов к величайшему самопожертвованию» [Национальные моменты..., 1923, с. 40]. Были приняты меры для перевода делопроизводства, судопроизводства с русского языка на языки меньшинств, распространения национальных школ и т. д.

Такая политика, конечно, была реакцией на ненавистную многим ассимиляторскую царскую политику. Также влияли распространившиеся тогда в стране представления о необходимости строительства на рациональных, научных началах нового общества, учитывавшего интересы простых людей. Влиял и опыт Швейцарии, где не было принудительного внедрения языков. Идеи равенства языков и направленной на его достижение языковой политики поддерживались и русскими коммунистами, и лево настроенными интеллигентами в национальных республиках, и даже частью интеллигентов, не принимавших советский курс в целом. Например, эмигрант Н. С. Трубецкой в 1925 году одобрял «отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России» [Трубецкой, 1991, с. 68].

Единственным фактором, сдерживавшим проведение данной политики, при отсутствии открытого сопротивления казалось недостаточное развитие многих языков, не имевших кодификации, а иногда даже письменности. Была развернута активная деятельность, получившая название языкового строительства. В нем участвовали многие крупнейшие советские лингвисты тех лет. Было создано более 70 новых алфавитов на латинской основе.

Ликвидация неграмотности, развитие образования, создание письменностей и норм для десятков языков – всё это впечатляло. По мнению одного из западных советологов, даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения [Crisp, 1989, с. 36]. Однако вся эта политика имела лишь частичный успех. В противовес старой политике данная политика объективно недооце-

нивала потребность взаимопонимания, которая, разумеется, стихийно реализовывалась, что создавало расхождение между политикой и жизнью. Крупнейший лингвист Е. Д. Поливанов отмечал, что у студентов – коммунистов из национальных республик «в процессе учебы языковое мышление на родном языке не участвовало» [Поливанов, 1927, с. 114]. Учебные предметы они осваивали на русском языке, а материнским языком пользовались лишь на бытовом уровне, не стремясь читать Маркса и Пушкина на языке своего народа. Уровень владения русским языком среди нерусского населения был невысок.

Во второй половине 30-х годов произошел поворот в языковой политике в СССР. И. В. Сталин теперь избрал курс на ускоренную русификацию, во многом на возврат к царской политике, хотя официальные лозунги равноправия языков не изменились. Латинские алфавиты для языков народов СССР были заменены кириллическими, при этом ряд языков лишился письменности. Однако инерция прежней политики отчасти сохранялась, особенно в 40–50-е годы. Максимум русификация достигла при Н. С. Хрущеве, считавшем, что по мере продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в том числе языковые; в конце 50-х – начале 60-х годов уже почти не велось образование на языках меньшинств (исключая лишь языки союзных республик).

Политика в СССР 20–30-х годов во многом основывалась на утопических предпосылках и не могла быть полностью успешной. Однако нельзя и говорить о ее полной неудаче, особенно в отношении крупных языков. Например, Е. Д. Поливанов в начале 20-х года отмечал, что в самосознании оседлых узбеков не было ничего, кроме места рождения и религии [Поливанов, 1923, с. 9]; в большинстве они были неграмотны, и даже грамотные читали и писали на арабском, старописьменном тюркском (чагатайском) или русском языке. В результате же политики советской власти уже к 80-м годам каждый узбек знал, что он узбек, а грамотность на узбекском языке охватывала большинство этноса. Но результаты таких перемен оказались не теми, которые имели в виду коммунисты в 20-е годы: объективно развитие ряда языков СССР, начавшееся сверху, стало одним

из факторов, способствовавших распаду страны в 1991 году. Об этапах развития языковой политики в СССР подробнее см. в книге [Алпатов, 2000].

В последние десятилетия в ряде развитых стран языковая политика стала несколько меняться, что часто интерпретируют как признак перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Больше, чем раньше, допускается использование языков меньшинств, на них развивается школьное обучение, делаются попытки расширить сферы их использования. Во Франции запрет на официальное использование языков меньшинств теперь снят. В Норвегии саамский язык до 50-х годов не имел никаких прав, а сейчас появились саамские школы и культурные центры. Где-то языковой плюрализм заходит очень далеко, как в Австралии, где в 1973 году правительством лейбористов была принята программа всеобщего двуязычия, в целом действующая и в последующие годы. Согласно ей, каждый житель Австралии должен свободно владеть двумя языками: материнским и иностранным, если он исконно англоязычен, материнским и английским, если он иммигрант или абориген [Bullivant, 1995]. Даже в США многие считают, что концепция “melting pot” устарела и уступает место идеям равноценности разных культур и языков. Западные страны по сути реализуют то, что пытались когда-то осуществить в СССР.

Однако нельзя и переоценивать указанные явления. Борьба меньшинств за свои права, поддерживаемая левыми представителями господствующих этносов, может вызывать и обратную реакцию. Упомянутое выше объявление английского языка государственным в 12 штатах США один из исследователей интерпретирует как консервативную реакцию на расширение официального использования испанского языка [Donahue 1995, с. 114]. По мнению другого исследователя, среди стран английского языка двуязычная идеология победила только в Австралии, а в США и Великобритании она остается одноязычной [Tollefson, 1991, с. 203]. В любом случае языковая политика в развитых странах не может сильно измениться: государство заинтересовано в поддержании взаимопонимания между гражданами.

Отстаивание потребности идентичности для национальных меньшинств чаще все-таки идет снизу, от более или менее оппозиционных национальных движений. Они либо следят за поддержанием социальной роли своих языков на оптимальном уровне, либо добиваются усиления этой роли, в некоторых ситуациях это выливается в борьбу за независимость. Нередко им приходят на помощь вненациональные оппозиционные движения.

Если меньшинство становится большинством во вновь образованном государстве, то функции его языка резко расширяются, а контакты его носителей с носителями прежнего государственного языка сужаются. В свою очередь часть прежде господствовавшего этноса превращается в меньшинство, что порождает новые конфликты. В XX веке процесс образования новых национальных государств наблюдался неоднократно, особенно после первой мировой войны и в 1991 году.

Языковая ситуация могла складываться по-разному. В Финляндии, где и до 1917 года процент владевших русским языком финнов был невелик, они предпочли забыть этот язык, а число русских было слишком незначительно, чтобы как-то влиять на положение дел. Но в Чехии так называемые судетские немцы, не пожелавшие стать чехами немецкого происхождения, составили проблему, мирное решение которой оказалось невозможным. Сейчас по-разному дело обстоит в Литве, где русских мало и ситуация, по-видимому, развивается по финскому сценарию, и в Латвии и Эстонии, где многочисленно русское население, привыкшее к одноязычию и не всегда желающее ассимилироваться. Другой параметр – отношение к прежде господствовавшему языку этноса, ставшего преобладающим. Чехи отказались от немецкого языка, но ирландцы не отказались от английского. Сейчас на одном полюсе находится Прибалтика (хотя ситуация сейчас несколько стабилизировалась), а на другом полюсе – Казахстан и Киргизия, где национальная элита во многом русскоязычна, и особенно Белоруссия, где русский язык продолжает господствовать во всех сферах.

Переход от одноязычия к вынужденному двуязычию – очень болезненный процесс, особенно если люди, не покидавшие место проживания, принуждены использовать язык, ранее не обладавший для них престижем. Страдают и потребность идентичности (не всегда можно говорить на материнском языке), и потребность взаимопонимания (новый господствующий язык чаще всего легко не осваивается, особенно средним и старшим поколениями). Выходов может быть четыре:

– пожертвовать потребностью идентичности и перейти на другой язык, сохраняя материнский язык в семье и в пределах землячества;

– пожертвовать потребностью взаимопонимания, отказавшись от социальной активности и замкнувшись в национальной общине;

– сохранить обе потребности ценой отъезда туда, где все говорят на привычном языке;

– бороться за новое изменение государственных границ или хотя бы за равноправие своего языка.

Последний из выходов может оказаться недостижимым, а каждый из остальных связан с теми или иными жертвами.

В отличие от других новых государств в России сужения сфер использования русского языка и развития («возрождения», как одно время говорили) малых языков в целом не произошло. В начале 90-х годов национально ориентированные интеллигенты, например, в Калмыкии могли мечтать, что они будут говорить только по-калмыцки между собой и по-английски при сношениях с внешним миром, не используя русский язык или оставляя за ним роль третьего языка. Но уже к середине 90-х годов возобновился процесс наступления русского языка на малые языки. Правда, по сравнению с советским временем несколько возросли показатели, свидетельствующие об образовании на языках меньшинств. Однако если в советское время использование этих языков поддерживалось (нередко искусственно) государством, то сейчас вступили в силу законы рынка, которые вообще, как правило, способствуют удовлетворению потребности взаимопонимания, уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков.

Сейчас много говорят о процессах глобализации, несомненно, усиливающих потребность взаимопонимания. В целом многое, что ранее характеризовало языковую ситуацию и языковую политику внутри государств, переносится в связи с глобализацией на международный уровень. Растет значение мировых языков, особенно английского. Однако глобализация (по крайней мере, в том виде, в каком она существует сейчас) плохо удовлетворяет потребность идентичности для большинства людей (исключая, разумеется, тех, для кого английский язык – материнский). Это может приводить к конфликтам и вообще ставить под сомнение эффективность глобализационных процессов. Но пока от прогнозов в этой области лучше воздержаться.

Литература

1. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000 : социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. – Москва : КРАФТ+ИВ РАН, 2000. – 224 с.
2. *Алпатов В. М.* Япония : язык и культура / В. М. Алпатов. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 206 с.
3. *Бурыкин А. А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты / А. А. Бурыкин. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.
4. *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке : очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
5. *Маркс К.* Сочинения : научное издание : том 8 / К. Маркс и Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1957. – 705 с. – (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).
6. *Национальные моменты в партийном и советском строительстве.* – Харьков : [б. и.], 1923. – С. 40.
7. *Перехвальская Е. В.* Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант) : Формирование. История. Структура : диссертация... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Перехвальская. – Санкт-Петербург, 2006. – 283 с.
8. *Поливанов Е. Д.* Проблема латинского алфавита в турецких письменностях / Е. Д. Поливанов. – Москва : КУТВ, 1923. – 24 с.
9. *Поливанов Е. Д.* Родной язык в национальной партшколе / Вопросы национального партпросвещения. – Москва : КУТВ, 1927. – С. 114.

10. *Сталин И. В.* Сочинения / И. В. Сталин ; Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)). – Том 4. – Москва : ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 480 с.
11. Трубецкой, 1991 – *И. П. (Трубецкой Н. С.)* Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) / Вестник МГУ. – Серия 9 : филология. – 1991. – № 4. – С. 33–78.
12. *Ahlqvist A.* Language Conflict and Language Planning in Ireland / A. Ahlqvist // Language Conflict and Language Planning. – Berlin – New York : Walter de Gruyter, 1993. – P. 7–20.
13. *Bullivant B. M.* Ideological Influences on Linguistic and Cultural Empowerment : an Australian Example / B. M. Bullivant // Power and Inequality in Language Education. – Cambridge : University Press, 1995. – P. 161–186.
14. *Crisp S.* Soviet Language Planning, 1917–1953 / S. Crisp // Language Planning in the Soviet Union. – London : Macmillan, 1989. – P. 23–45.
15. *Donahue T. S.* American Language Policy and Compensatory Opinion / T. S. Donahue // Power and Inequality in Language Education. – Cambridge : University Press, 1995. – P. 112–141.
16. *Edwards J.* Multilingualism / J. Edwards. – London – New York : Routledge, 1994. – 272 p.
17. *Garcia O.* Spanish Language Loss as a Determinant of Income among Latinos in the United States / O. Garcia // Power and Inequality in Language Education : Cambridge : University Press, 1995. – P. 142–160.
18. *Laponce J. A.* Languages and their Territories / J. A. Laponce. – Toronto – Buffalo – London : University of Toronto, 1987. – 454 p.
19. *Loveday L.* The Sociolinguistic of Learning and Using a Non-Native Language / L. Loveday. – Oxford – New York – Toronto – Sydney – Paris – Frankfurt : Pergamon Press, 1982. – 177 p.
20. *Pennycook A.* English in the World / The World in English / A. Pennycook // Power and Inequality in Language Education. – Cambridge : University Press, 1995. – P. 34–58.
21. *Ross J. A.* Language and the Mobilization of Ethnic Identity / J. A. Ross // Language and the Ethnic Relations. – London : Pergamon Press, 1979. – P. 1–14.
22. *Skutnabb-Kangas T.* Bilingualism or Not : The Education of Minorities / T. Skutnabb-Kangas. – Clevedon : Multilingual Matters, 1983. – 378 p.
23. *Tollefson J. W.* Planning Language, Planning Inequality / J. W. Tollefson. – London : Longman, 1991. – 203 p.
24. *Trugil P.* Sociolinguistic : An Introduction to Language and Society / P. Trugil. – London : Penguin, 1983. – 189 p.

© Алпатов В. М., 2013

Language Policy in Modern World

V. Alpatov

The language policy in the modern world is considered to be based on the interaction of two natural but opposite needs. The need for an identity includes the urge (conscious and unconscious) to use in any communication situation your "own" language naturally learned during the first years of life. The need for mutual understanding consists in the fact that each member of the communication situation wants freely to communicate with their conversation partners, no matter what their first language is. In the majority of countries the government's conscious language policy as well as the spontaneous policy via "economic turnover" are aimed, first of all, at supporting the need for mutual understanding. The minority language speakers' need for an identity often suffers and it can lead to conflicts. It is noted that only in Soviet Russia and the USSR of the 1920-1930s there was an attempt – though only partially successful – to take the need for an identity as a basis for the language policy. Nowadays advanced countries are making efforts to develop small languages.

Key words: language policy; need for an identity; need for mutual understanding; minority languages; bilingualism; forced bilingualism; language building; small languages.

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, директор Института языкознания РАН (Москва), v-alpatov@ivran.ru.

Alpatov, V., Doctor of Philology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of RAS Institute of Linguistics (Moscow), v-alpatov@ivran.ru.